

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В РАКУРСЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр философии литературы и эстетики
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: valery.maximovich@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9062-6984>
(получено 24.09.2019; принято 1.10.2019)

Abstract

Creativity of the Individual from the Perspective of Semantic Identification

The creative potential of the individual as a cultural subject is considered in the context of communicative-dialogue strategies and modern interpretative practices related to decoding the semantic continuum of the work of culture. The author believes that the presence of various meaning-generating projections and relationships allows the problematic semantic field of the presented discourse to expand and opens the way to numerous interpretations of its contextual, in-text matrix, and to the identification of a paradigm hierarchy of artistic meanings.

Key words: creative potential, communication, interiorization, decoding, cultural matrix, work of culture

Резюме

Творческий потенциал личности как субъекта культуры рассматривается в контексте коммуникативно-диалоговых стратегий и современных интерпретационных практик, связанных с декодированием смыслового континуума произведения. Последовательно проводится мысль, что наличие разнообразных смыслопорождающих проекций и отношений позволяет расширить проблемное смысловое поле представленного дискурса и открывает путь к многочисленным интерпретациям его контекстуальной, внутритекстовой матрицы, к выявлению парадигмальной иерархии художественных смыслов.

Ключевые слова: творческий потенциал, коммуникация, интериоризация, декодирование, культурная матрица, культуротворчество

Творческий потенциал личности, несомненно, можно отнести к особому социальному феномену, главные характеристики которого напрямую сопряжены с активно преобразующим отношением к миру, с готовностью творить духовное пространство своего бытия, генерировать нестандартные идеи и подходы к решению задач, требующих особой внутренней сконцентрированности и сосредоточенности. Совершенно ясно, что формирование внутренних духовно-творческих интенций и качеств не происходит самопроизвольно, хаотично. Творчески-интеллектуальная составляющая предполагает наличие определенных мировоззренческих и духовно-нравственных доминант (в том числе генетически, психологически заданных параметров), которые получают свое развитие, самосовершенствуются в ходе индивидуального и исторического становления, духовного роста, в процессе социальной коммуникации, неразрывно связанной с усвоением духовных атрибутов предшествующих поколений и актуальной современности. В процессе духовного становления человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает необходимым условием и предпосылкой структурирования определенного культурного континуума.

Благодаря целеполаганию человека мыслящего, творческого и формируется истинное содержание культуры. Интеллектуалы, внутренне мотивированные на совершенствование условий существования, имеют дело не с усредненностью коллективного труда, а, прежде всего, с единичными и уникальными явлениями культурогенеза. В данном случае разговор идет не только о степени и уровне социально усвоенных (и присвоенных) общественных норм, канонов, стандартов, традиций, которые отнесены в разряд системоцентрирующих, но и необходимом обновлении их качественных характеристик, более того, формировании принципиально новых явлений, структур, отдельных артефактов с содержательно и качественно новыми характеристиками. Строго говоря, творчество как реализация интеллектуального и духовно-нравственного потенциалов самым непосредственным образом связано с созиданием, с творением, с возможностью выхода в новое социокультурное, ценностно-духовное измерение.

Причем творчество в этом смысле понимается как особого типа деятельная активность, обусловленная внутренним интеллектуальным потенциалом пассионарного типа личности, движимого собственной природой и субстанциальной сущностью, заложенной в его генезис в качестве феномена особой – культуротворческой – действительности. Иными словами, оно, творчество, является не только условием и одновременно промежуточным результатом антропокультурогенеза, но и достаточно продуктивной формой обнаружения, раскрытия генетически продуцированных предрасположенностей, способностей, таланта. В этой связи процесс интериоризации, усвоения социокультурных моделей предполагает изменение или приращение ценностно-смысловых рядов и семантических полей культуры. Это представляется возможным в случае не механистического, на уровне подсознательных рефлексий и восприятий, а достаточно рационального, критического осмысления базового тезауруса культуры и вступления с ним во взаимообогащающий диалог, представляющий собой одну из форм саморазвития культуры.

Особую значимость в этой связи приобретают собственно «продукты» художественного творчества, культурные артефакты, характеризующиеся особой смыслопорождающей и семантико-смысловой наполненностью, ведущей к созданию принципиально новых, в границах устоявшегося историко-культурного тезауруса, значений и ценностей. При этом, что важно отметить, не происходит размывания базисных, аутентичных смысловых структур, форм, матриц национального семиозиса. Та же потенциально возможная интериоризация суперстратных культурных доминант несколько не свидетельствует о полном вхождении субстратной культуры (традиции) в ценностно-смысловое поле близкородственных или иных каузуальных пограничных культур, не подчеркивает их маргинальный, второстепенный характер. Процесс обживания инокультурного контекста, как правило, происходит в большей мере по принципу взаимодополнения, взаимообогащения посредством постановки и решения насущных проблем общественного и культурно-исторического развития. Именно внутренняя диалогичность, как ее понимал М. Бахтин, становится предпосылкой обогащения и развития единого культурно-исторического интер-(гипер-) текста, что является важнейшей составляющей и феноменологии и социодинамики культур.

Все отмеченное выше имеет отношение и к процессу создания поэтического образа, природа которого принадлежит к наиболее сложным вопросам поэтики, до конца не разрешенным проблемам эстетики вообще. Образ прежде всего предстает как художественная форма воплощения определенного события, процесса, явления, значимых для созидющего (творящего) сознания. Автор, в данном случае поэт, переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний, или, наоборот, «опредмечивает», «овеществляет» перипетии внутренней жизни, придавая условно-метафорический, типизирующий характер личностно переживаемому. Сказанное необходимо дополнить указанием, что образы поэзии воспринимаются и трактуются не только с учетом их условно-метафорического наполнения, но и эмоционального «тона», ритмической и звуковой окраски, иных лингвистических и экстра-

лингвистических факторов. Как правило, образ закреплен в некоторой словесной «картинке», обладающей способностью к визуализации при восприятии. В образе зафиксирован эмоциональный, чувственный и интеллектуальный облик значимых для автора событий (реальных или воображаемых). В определенном смысле образ уподобляется понятию как словесному представлению о явлении, т.к. для субъекта оперирование чувственными образами сопряжено с мыслительной процедурой, которая обретает новое качество на понятийном уровне. Механизм создания образа многомерен, но и в известном смысле статичен, инвариантен, поскольку смена словесных диспозиций может привести к разрушению поэтического образа.

Посредством предметно-образных смысловых словоформ, характеризующихся определенной степенью выраженности эмоциогенных маркеров, представленных в поэтическом языке, в стилистике, ритмике и строфике, художник создает свою версию образа мира, выражает собственное отношение к действительности. Обнаруженное в тексте присутствие условного плана, символических диспозиций является сигналом, который обеспечивает продвижение субъекта интерпретации от объективной реальности (текстовых первичных номинаций) к субъективной (подтексту) и дальнейшему выходу на содержательно-концептуальное извлечение внутренне запотенцированных смыслов. Иными словами, рецептивное постижение заложенных в глубинной структуре текста идей и смыслов напрямую зависит от степени и уровня представленности (оригинальности) интерпретационных стратегий. В данном случае мы становимся свидетелями процесса расширения авторской культуросозидательной стратегии: одна ее часть связана с чувственно-эмоциональной сингулярностью (эмоциональное переживание, реакция на внешние раздражители, душевное возбуждение, состояние души), а другая – с когнитивно-смысловыми мотивационными структурами, которые сигнализируют о рациональной заданности художественных картин и образов как средоточия субъективно-оценочного отношения к миру, итога художественной рационализации собственного самосознания. Художественная субъективация в данном случае представляет собой удвоенный процесс декодирования, связанный как с раскрытием внутренней эмоциональной реакции на отображаемое, так и с выражением своего рационально-логического отношения к нему, своей оценки моделируемого художественного континуума. В текстах, где доминирующим представляется субъект-субъектный нарратив, в большей степени открывается возможность для разговора о специфике процесса организации самосознания автора, особенностях его мировоззрения и стратегии авторского преломления аксиологического, экзистенциального, миропознавательного компонента в смысловой структуре представленного дискурса.

Учитывая вышесказанное, следует подчеркнуть, что творчество представляет весьма сложный процесс, возникающий на основе взаимодействия чувственно-эмоционального восприятия и логико-дискурсивного мышления, вбирает в себя разнообразные влияния и предполагающий, как его следствие, создание артефакта, характеризующегося образно-смысловой выразительностью, эстетической завершенностью с учетом тесной коррелирующей связи со смысловым

контекстом культуры. В противном случае речь может идти о десемантизации вновь создаваемых культурных артефактов, имеющих весьма условную связь с актуальными культурными концептами вследствие редукции, ослабления культурной памяти, частичной утраты семиотических значений языка. К сожалению, все более очевидным становится тот факт, что «культурный концепт начинает частично или полностью терять свое значение, происходит „демонтаж” ассоциативных связей культурного концепта, утрата его функционально-эстетического потенциала» (Дичковская 2018: 89). Кстати сказать, это взаимообусловленный процесс: обеднение, упрощение, сужение смыслодержательных значений языка напрямую влияет на образную палитру художественного произведения, которое, в свою очередь, перестает быть источником пополнения, обогащения языка.

Творческая личность перманентно находится в поле действия некоего смыслового проблемного поля, которое вызывает определенно окрашенные рефлексии, настраивает на конкретную культуросозидающую волну. По большому счету, творчество – экзистенциально-чувственная самопроекция художественно одаренной личности, способной к перманентному расширению, обогащению своего познавательного, эвристического горизонта и придающей ему новые смысловые коннотации. Любые движущие творческим субъектом побуждения нравственного, этического, эстетического плана заставляют его переплавлять их в горниле собственного мировидения, выявлять свое отношение к ним. Но это не значит, что автор обязан найти и продекларировать единственно верную, правильную мотивацию, дать исчерпывающий ответ на возникающую художественную коллизию. Отнюдь нет. Прямое декларирование, дидактика категорически противопоказаны. Как правило, во внутреннем монодиалоге, в невидимом вопрошании естественным образом трансформируется смысловое поле обыденных представлений, восприятий, ощущений, более того, ставится под сомнение их «онтологический» характер, константная заданность.

Раскрытие внутренних задатков личности, имеющих явно выраженную творческую доминанту, напрямую связано с обнаружением и использованием нестандартности и нетривиальности самого способа мышления, восприятия, смыслообразования, выбивающихся из системы типичных культурных стереотипов. Вот почему отличительной чертой творческой интеллектуальной элиты является ее «инокомыслящее пограничье», стремление к созданию поля вариативных возможностей. Рожденные в зоне обозначенного пограничья

инновации способны более или менее радикально изменить облик актуальной культуры, а вслед за тем и актуальность социума, способствовать их прогрессивному развитию (созданию новых ценностей и отношений, обогащению социокультурных форм и наполнению их новыми смыслами и значениями) (Кондаков 2002: 164).

Творчество открывает потенциальную возможность превращения общепринятого в проблемное, эксклюзивное, исключительное, рассмотренное под нестандартным, нетривиальным углом зрения. В творчестве, как ни в одном из видов общественной практики, субъект получает возможность проблематизировать отношение к реалиям природного и общественного плана, к себе само-

му. В процессе художественного переформатирования, переструктурирования устоявшегося, обыденного рождаются новые смыслы, обладающие эстетической ценностью и жизненной актуальностью. Это касается и всей сферы деятельности, связанной с культуротворчеством. В этой связи Б. Губман отмечает, имея ввиду специфику культуротворческих составляющих:

Проблематизируется не только сфера сущего, но и ценностно-значимого, должного. Культурное творчество сопряжено с переоценкой ценностей, нормативов должного. Созидющий культуру субъект ставит под вопрос ценности и нормы своего бытия в природном окружении и социальной системе. Те ценности и рациональные стандарты, что преобладают в экономической, социальной и политической сферах, становятся предметом переоценки наравне с религиозными, нравственными и художественными ориентирами его жизнедеятельности. Саморефлексия делает проблемой любые виды инструментального отношения к миру, предлагающие воздействие на него, вопрошает о фундаментальных устремлениях практического разума, эстетических и художественных перспективах раскрытия возможностей субъекта (Губман 2005: 306).

Преобразующая направленность культуротворчества напрямую связана с его коммуникативно-диалоговой природой, с перманентным извлечением новых смыслов, с выдвижением вопросов, требующих ответов. В своей работе «Эстетика словесного творчества» Бахтин в этой связи сделал ряд наблюдений. В частности, исследователь утверждал:

Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам (Бахтин 1979а: 350).

В диалоге с другими и с самим собой проясняется собственная позиция, более контрастно обнаруживают себя глубинные ценностно-мировоззренческие основания, которые содержат в себе некую невидимую, сокровенную часть присутствия самого творца в окружающем мире. Красноречивым подтверждением тому могут служить слова упомянутого выше Бахтина:

Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого... Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. (Бахтин 1979а: 285, 312).

Исходным для исследователя является убеждение в том, что личностное бытие человека раскрывается лишь в диалогических отношениях – «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и „человек в человеке“, как для других, так и для себя самого» (Бахтин 1979b: 294). По утверждению П. Горохова, «диалог для М. Бахтина является подлинным „событием бытия“ и выступает как изначально-фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория» (Горохов, online).

Диалогичность как отличительная черта культурного творчества побуждает к поиску способа решения проблем, который был бы взаимоприемлемым для партнеров по коммуникации, обнаруживая не только расхождение, но и „стыковые точки” их подходов (Губман 2005: 307–308).

Присутствие другого создает эффект перманентного продуцирования, расширения смыслового дискурса. В этом заключается потенциальная интертекстуальная воспроизводимость, живучесть художественного дискурса, служащего необходимым условием постоянного смыслового обогащения культурной реальности, ее наполнения новым содержанием экзистенциального опыта.

Свою неоспоримую действенность межличностная коммуникация проявляет в художественном творчестве, природа которого подразумевает прежде всего внутреннее, «сердечное» осмысление процесса коммуникации, пропускание его через себя, конструирование образа и смыслообраза посредством рефлексии, сопереживания, вчувствования. По мнению исследователей, культурное творчество немислимо

без самопревосхождения субъекта, стимулируемого коммуникацией с другими и импульсом, исходящим из жизненного мира. Именно жизненный мир является полем тематизации теоретического и практического разума, эстетической способности субъекта, из него черпается исходный материал для созидания культуры. В рационализации жизненного мира заложено основание культурного многообразия (Губман 2005: 308).

Категория «жизненный мир», введенная в философский оборот в ее сегодняшнем наполнении основоположником феноменологии Э. Гуссерлем, утвердилась в качестве основополагающей для характеристики процессов, реалий, действий, с которыми постоянно сталкиваются люди, принадлежащие к определенной культурной общности, в своей повседневной жизни. Жизненный мир, по убеждению исследователя, обладает уникальными свойствами и наполнен для каждого соучаствующего в нем знакомыми вещами и людьми. Руководствуясь ценностно-нормативными представлениями, заключенными в том числе и в знаково-символических формах культуры, представители одного культурного мегаполиса постигают жизненный мир как нечто непреложное, органичное, повсеместно сопровождающее их и формирующее их константную ментальную устойчивость. Структура жизненного мира, как отмечает Ю. Хабермас, полагает формы возможного intersubjectивного взаимопонимания. Бытие культуры напрямую зависит от органичного усвоения окружающего (жизненного) мира, творческого отношения к многоликим и пестрым его проявлениям. Культура как багаж знания, опыта, обеспечивающих коммуникацию, невозможна без своеобразной «подпитки» со стороны постоянно возобновляемого, рационализируемого жизненного мира, выступающего в качестве неисчерпаемого источника творчества. Жизненный мир трактуется немецким исследователем как своеобразный резервуар, пополняющий и поддерживающий продуктивные возможности культуры и благодаря своей знаково-символической универсальности способствующий конвенциональному истолкованию многообразных явлений природного и социального плана (Habermas 1988: 107). Жизненный мир,

таким образом, имеет пространственно-временное измерение, обретая реальные формы воплощения:

Растворяясь в нем, продукты культуросозидающей деятельности субъекта становятся достоянием всех живущих в данном сообществе и получают понятное всем смысловое наполнение. Силуэт храма, скульптура, ставшая неотъемлемой частью городского ландшафта, сад, выращенный сообразно со стилистикой определенной традиции, хрестоматийный литературный образ, известный любому, наполняют жизненный мир, сливаясь воедино и создавая привычный фон деятельности человека (Губман 2005: 311).

Именно в границах жизненного мира становится возможной художественная реставрация той ситуации, когда человек обретает способность ощущать свое собственное бытие и бытие других людей, свою причастность к их бытию и радость от осознания этой причастности.

Благодаря субъективированию и субъективности акта коммуникации, который выходит за рамки простого речевого диалогизирования, а также художественному постижению жизненного мира появляется возможность, на что уже обращалось внимание, не только коннотативного приращения смысла, но и его субъектного расширения и контекстуального изменения. Именно творческая интенция, эксклюзивное восприятие предметов, слов, действий, установка на извлечение нестандартного, нетривиального смысла из любой коммуникативной ситуации, широта собственного внутреннего диапазона обогащает художественный замысел, ведет к уникальной образной перекодировке (овнутрению) смысла предметно-визуализированных картин и образов. В случае усвоения, признания, одобрения субъектами, принадлежащими к данной культуре, они становятся интегральной частью объединяющего символического универсума, воспринимаются в качестве способа мировидения, напрямую влияя на формирование смыслового контекста их собственного жизненного мира.

Возможность дискурсивного декодирования возникает в процессе коммуникации посредством установления универсальной связности, смыслового коррелирования наличных интерпретационных практик при условии консолидации всех поливариантных прочтений, понимания собственно механизма смыслотворчества. Трансубъектный характер функционирования дискурса становится основополагающим моментом для декодирования заключенного в дискурсе смысла (смыслов). Благодаря художественному дискурсу открывается возможность формирования многомерной смысловой парадигмы, расширения континуальной смысловосферы. Взаимопроникновение различных дискурсов и дискурсивных практик воплощает идею интердискурсивности, «которая является и признаком, и движущей силой культурного изменения» (Йоргенсан 2004: 214).

Способность продуцирования определенного спектра смыслов становится возможной благодаря тому, что в художественном дискурсе, как правило, воспроизведен особый мир, представленный в заведомо многомерном, многоуровневом, полифункциональном воплощении. Образы и картины, характеризующиеся вербальной условностью, метафоричностью, являют некоторую смысловую целостность, завершенность, континуальность и вместе с тем от-

крытую концептуальную форму, способную к художественно-дискурсивному обогащению семиотического континуума. Экзистенциальная ситуация, вербально развернутая в них, может быть спровоцирована самыми различными обстоятельствами, имеющими особую природу и причинную обусловленность. Но при всем при том, как думается, исключен разговор о тотальной множественности смыслов, значений, ценностей, имеющих самую различную, включая противоположную, гносеологическую и аксиологическую направленность, так как при этом могут теряться смысловые константы, гуманистические основания и виталистские перспективы.

От того, как именно протекают процессы коммуникации, как реализуется право человека на творчество, в том числе духовное творение, в немаловажной степени зависит формирование ценностей поведенческого плана, гуманистических установок, личностного и общественного статуса субъекта. И более того, эти процессы необходимо рассматривать во взаимосвязи. Именно в нашем глобально-сетевом обществе творчество и коммуникация – это две стороны одной медали. Сам процесс со-общения, со-трудничества, созидания во все времена имел и имеет неоспоримое значение для налаживания межличностного и межкультурного диалога, выступающего в качестве базовой структурообразующей составляющей социокультурной сферы, действенного инструмента влияния на все сферы социокультурной деятельности, основополагающего субстрата формирования культурной матрицы цивилизационного развития. В эпоху перманентной нестабильности и транзитивности именно коммуникативно-творческие интенции отражают и фиксируют наиболее существенные связи и отношения в культурной реальности. Идентификационный фактор тоже во многом зависит от характера и состава культурной среды – своеобразной институционально-организационной сферы и важного мотивационного стимула национально-культурного позиционирования и самоопределения субъекта. Не случайно уже в самом начале XX в. К. Ясперс сделал коммуникацию одним из ключевых понятий своей философской системы:

Мы являемся тем, что мы являемся, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек сам по себе, просто как отдельный индивид... Всё то, что есть человек и что есть для человека... достигается в коммуникации. Коммуникация в сфере духа есть создание из общественной субстанции идеи целого (...), а разум, связь всех модусов, требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации (Ясперс 1991: 441–442).

Известный американский философ Дж. Дьюи утверждал, что «люди живут в сообществе благодаря тому общему, что есть между ними, а общение – тот способ, благодаря которому они обретают это общее» (Дьюи 2000: 165).

Коммуникацию в сфере духовных практик можно отнести к наиболее значимым стимулирующим механизмам художественного творчества. Нет сомнения, что потенциальные творцы (креаторы), созидатели, обладающие творческими задатками, способны состояться как личности только в коммуникативном пространстве, полагаясь на базисные, онтологические основания культуры, перенимая опыт предшественников и генерируя новые креативно-коммуникативные

стратегии. Это в очередной раз подчеркивает идею пассионарного (в понимании Л. Гумилева) начала творческого акта, что напрямую связано с пониманием личности как субъекта культуры, имманентно осваивающего, расширяющего и преобразовывающего духовно-творческим актом границы культурного создающего пространства по законам гармонии и красоты. Художник руководствуется желанием нарисовать эстетически совершенную и, по преимуществу, будоражащую чувства картину (образ, систему образов), способную вызвать сопереживание, внутреннее соучастие и дать возможность получать то же эстетическое, в первую очередь, удовлетворение от прочитанного, суггестивно воздействуя на реципиента. Именно в зоне красоты, прекрасного, гармоничного рождается ощущение полноты бытия, всплеск мгновений необычайной внутренней эйфории, чутко настроенных струн души, потаенных чувств. В такие моменты так важно обнаруживать присутствие вечности в мгновениях бытия, во временном потоке жизни, осознавать свою сопричастность миру. Упоительное переживание полноты и значимости бытия, непреходящей новизны и ценности каждого момента, вдохновляющее слияние с Целым, сакральное переживание момента Абсолютности, открытие самодостаточности того мгновения, в которое погружен человек, по убеждению В. Мартынова, и есть момент эманации истинной красоты:

Чем глубже индивид способен осознать значимость явленного, абсолютность мгновения, тем ближе он к красоте, добру, творческому отношению к жизни. Ибо приобщение к красоте есть не что иное, как максимальное расширение локального сознания и формирование в личности всеохватывающего менталитета, прорастание в ограниченном существе космической одухотворённости, делающего каждого гражданином не только своего государства, но и Мироздания. (...) И в этом смысле красота – это гармоническое воплощение уникальных проявлений всеобщей одухотворённости. Без глубокого осознания Вселенской всечувствительности бытия невозможно постигнуть сущность прекрасного как феномена свечения этой всепроникающей одушевлённой энергии, наиболее ярко и полно преломляющейся в человеке (Мартынов 1999: 80).

Если отталкиваться от признания целостности объективного мира, единства Вселенной и человека, лежащего в основе философии космизма, то собственно становление духовного мира активно и творчески ангажированного субъекта следует признать центральным звеном всего процесса раскрытия и постижения сущности бытия.

Таким образом, творческий потенциал личности и коммуникативно-диалоговые стратегии в формировании и идентификации поэтических и шире – художественных – образов и картин является важным основанием бытия культуры и культуротворчества. Значимые артефакты художественного творчества, органически вписанные в ткань культуры, придают ей неповторимый облик, своеобразие, особенную знаково-символическую ауру, тем самым способствуя созданию символического универсума. Они трансвременны, интересубъективны, семантически многомерны, т.к. могут обрести иное измерение в процессе творческого синтеза с учетом исторической традиции и новых транскультурных реалий. Все это свидетельствует об открытости культур и литератур, их причастности к единому цивилизационному пространству, что способствует их

взаимообогащению, направляет на путь универсализации через приобщение ко всему богатству общечеловеческой культуры.

Библиография

- Âspers, K. (1991). *Smysl i naznačenie istorii: razum i komunikaciâ*. Moskva: Politizdat [Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории: разум и коммуникация*. Москва: Политиздат].
- Bahtin, M.M. (1979a). *Ėstetika slovesnogo tvorčestva*. Moskva: Iskusstvo [Бахтин, М.М. (1979а). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство].
- Bahtin, M.M. (1979b). *Problemy poèтики Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskaâ Rossiâ [Бахтин, М.М. (1979b). *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советская Россия].
- Dičkovskaâ, E.A. (2018). Desemantizaciâ kak bazovuj koncept èvolûcii kul'turnyh processov. *Vesti Instituta sovremennyh znaniij*, 3: 85–91 [Дичковская, Е.А. (2018). Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов. *Вести Института современных знаний*, 3: 85–91].
- D'ui, Dž. (2000). *Demokratiâ i obrazovanie*. Moskva: Pedagogika-press [Дьюи, Дж. (2000). *Демократия и образование*. Москва: Педагогика-пресс].
- Gorohov, P.A. *Social'no-fantastičeskaâ problematika Prozy A.N. Tolstogo*. (Online) <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-filosofskaya-problematika-fantasticheskoj-prozy-a-n-tolstogo> (доступ 20.03.2019) [Горохов, П.А. *Социально-фантастическая проблематика прозы А.Н. Толстого*. (Online) <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-filosofskaya-problematika-fantasticheskoj-prozy-a-n-tolstogo> (доступ 20.03.2019)].
- Gubman, B.L. (2005). *Sovremennââ filosofîâ kul'tury*. Moskva: Rossijskaâ političeskaâ ènciklopediâ [Губман, Б.Л. (2005). *Современная философия культуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия].
- Habermas, J. (1988). *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1–2. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Jorgensen, M., Fillips, L. (2004). *Diskurs-analiz: teoriâ i metod*. Har'kov: Gumanitarnyj centr [Йоргенсен, М., Филлипс, Л. (2004). *Дискурс-анализ: теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр].
- Kondakov, I.V. (2002). *Intersubèktivnost' kul'tury*. V: *Čelovek kak subèkt kul'tury*. Moskva: Nauka: 152–178 [Кондаков, И.В. (2002). *Интерсубъективность культуры*. В: *Человек как субъект культуры*. Москва: Наука: 152–178].
- Martynov, V.F. (1999). *Filosofiâ Krasoty*. Minsk: Tetrasistems [Мартынов, В.Ф. (1999). *Философия Красоты*. Минск: Тетрасистемс].